

○ Личность, общество и Церковь

- И. Л. А. Тихомиров1
- Введение
- Глава 1. Социальная жизнь и её значение
- Четыре жизни в мире
- Сходство биологических и социальных явлений
- Коренное различие между организмом и обществом
- Социальная (общественная) жизнь возможна только среди личностей
- Значение общества для человека
- Недостаточность социальной жизни для человека, как существа духовного
- Глава 2. Церковь, её свойства и значение
- Социальный элемент в Церкви
- Учение ап. Павла
- Церковь, как истинный организм
- Временное значение общества для человека душевного
- Организуемый центр в Церкви
- Нравственно-религиозный характер церковного строя
- Соборность Церкви
- Значение Церкви для религиозной личности
- Участие христианина в осуществлении мировых задач Церкви
- Заключение
- И. К. П. Победоносцев3
- Сущность вероисповеданий неразрывно связана с племенными особенностями
- Свидетельство непосредственного чувства
- Вопрос о вере и делах
- «Покажи веру твою от дел твоих» (Иак. 2:18)
- Ответ католиков
- Ответ протестантов
- Практицизм протестантского воззрения
- Противоречие его духу православного человека
- Особенное внимание к делам англиканских христиан
- Признание англиканца-протестанта Стефена
- Смещение земного с небесным
- Писатели Карлейль и Фруд
- Достоинства и слабости протестантизма
- Народность русской церкви
- Церковь и богослужение у англичан
- Чрезвычайное развитие сект и партий у англичан
- Частые осуждения нашей Церкви и духовенства
- Неосновательность этих порицаний
- Характер нашей церковной веры
- Для уразумения церкви необходимо участие в её молитве
- Католический обряд непонятен и чужд русской православной душе
- Русское церковное пение
- Его влияние на душу

- [Что ослабляет действенность православного богослужения?](#)
 - [Любовь русского человека к храмозданию](#)
 - [Церковь — учреждение всенародное](#)
 - [Превосходство православного обряда над протестантским](#)
 - [Искусственность протестантской проповеди](#)
 - [Обряд — выражение религиозной души народа](#)
 - [Отношение к умершим у западных христиан и у \(православных\) русских](#)
 - [Отвращение к усопшим у лютеран](#)
 - [Отрицание ими св. мощей](#)
 - [Агитация на Западе в пользу сожжения почивших](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

Введение

Содержание

Введение

В настоящее время слышится много жалоб на различные недочеты религиозной жизни и своей личной, и чужой; множество лиц ищут религиозной жизни и утверждают, что не могут её найти в силу некоторых условий современной жизни. В чем заключаются эти условия, препятствующие религиозному существованию — об этом говорят различно, обвиняя при этом решительно всех и вся. Что нужно сделать, чтобы отыскать не дающуюся искомую религиозную жизнь — об этом тоже говорят различно. Но при этом менее всего обращают внимание на самое главное — на правильное соотношение личности и Церкви в религиозной жизни. Между тем наши религиозные недуги едва ли не зависят более всего от развития *религиозного индивидуализма*, в связи с ослаблением *коллективной* религиозной жизни.

Все мы с детства заучили догматические положения о единospасающей Церкви, но значение совместной церковной жизни для религиозного существования, представляющейся нам лишь в виде какой-то книжной формулы, реальный смысл которой мы уже плохо схватываем. Все мы знаем тесную общественную связь первых христиан, но склонны объяснять это особой добродетелью, тогда как, наоборот, дух веры и добродетели порожден у них вследствие их тесной и дружной церковности.

Древние христиане понимали, почему им лично нужна Церковь, общество, и почему они сами нужны для этого общества, и к чему их обязывает эта взаимная надобность. Потому-то религиозная жизнь имела у них такое всепоглощающее значение. Теперь положение изменилось. Религиозная жизнь не испомещает всех сил человека, ибо её содержание в его понимании очень сузилось. Что такое религиозная жизнь? Обыкновенно отвечают: «общение с Богом». Но что такое это общение? Каково его содержание? Каковы его последствия в содержании нашей жизни? Древний христианин все это прекрасно понимал, нынешний в большинстве случаев почти не понимает.

Одно из последствий сужения наших представлений о церковной идее, составляет то обстоятельство, что в наше мирозерцание, а затем и в практику жизни, теперь врывается, всё в более ненормально расширенной степени, одно из могущественнейших «мирских» попечений — именно о строе социальном. При всей важности и даже высоте своей, идея социальная, в действительности, ниже церковной по своему содержанию и мировому значению. Фактически же социальная идея начинает затушевывать в умах идею церковную, и даже являются тенденции испоместить идею религиозную в среду социальную, обществом поглотить Церковь.

Человеческое общество, как мировое явление, чарует умы своей силой, стройностью, благодетельностью. На социальную среду переносится почти религиозное благоговение. «Жить для общества», «жить общественными интересами» — это для множества лучших людей нашего времени не пустые слова, а выражение наиболее великого их нравственного содержания, за которое они готовы отдать жизнь, ибо без него их жизнь была бы пустой и бессмысленной. Церковная же идея потускнела в умах.

Что значить жить для общества — всякому кажется понятным. Понятным кажется и вопрос, как в этом служении поместить свои силы. Но что значить жить для Церкви? Значит ли это сделаться по малой мере псаломщиком? Или чиновником духовного ведомства? Жизнь церковная начинает казаться лишь каким-то специальным уголком человеческой жизни, средой «удовлетворения религиозных потребностей», подобно тому как есть учреждения для удовлетворения эстетических потребностей и т. д.

Это затирание церковной идеи общественной составляет явление крайне вредное и опасное

для личности и человечества. Это — обман, стремящийся отвлечь нас от наиболее высокой жизни и погрузить в относительно низкую. Это обман, стремящийся задушить высшую жизнь, подчинив её низшей, и заглушить в нас, людях, источник нашей истинной силы. Для избежания этой опасности современный человек должен возможно лучше уяснить себе действительное соотношение между Церковью и социальной жизнью и истинное место своей личности в том и другом проявлении общественности.

Четыре жизни в мире

Рассматривая общую мировую жизнь, мы видим в ней как бы несколько возвышающихся один над другим этажей — особых категорий явлений или процессов: жизнь неорганическая, органическая, животная, и жизнь духовная. Человек внедрен во все эти категории явлений, спускаясь до самых низших и восходя до высших.

Все эти категории явлений подчинены общему закону *единения*, существования собирательного, коллективного. Этот закон каждая категория явлений осуществляет по-своему, причем каждая из них составляет лишь некоторую подпочву для высших слоев. Законы неорганической природы образуют подпочву для жизни органической, а эта последняя, в свою очередь — для жизни животной. В сфере животной возникает общественность, причем органическая жизнь дает подпочву для жизни социальной. В свою очередь, социальная жизнь тех существ, которые обладают духовным элементом, дает подпочву для жизни церковной. При этом законы низшего слоя каждый раз кое-что уясняют нам в законах высшего, так как не исчезают в них совершенно, а только подчиняются новому, *высшему организационному принципу*.

Сходство биологических и социальных явлений

В первое время развития общественной науки социологи и биологи были одинаково поражаемы сходством явлений биологических и социальных. Соединение клеточек и органов, стройно соподчиненных между собою, невольно напоминало строение общества и государства, и обратно — строение общества напоминало социологу строение организма. Отсюда явилась в социологии органическая идея, наша общественность была поставлена в разряд явлений биологических, высшего вида. Родилось социально-философское представление о человеке как некотором бессмертном коллективном существе, в котором личности — не более как сменяющиеся клеточки одного организма. Это воображаемое коллективное существо — Человечество — было Огюстом Контом возведено даже в сан божества, которого религия еще и поныне не вполне исчезла.

Однако, то сходство между организмом и обществом, которое столь поражало социологов, зависит исключительно оттого, что и в организме, и в обществе находят применение законы бессрочно длящейся *кооперации*.

Коренное различие между организмом и обществом

Но этим сходство и исчерпывается, ибо *особи*, входящие в кооперацию, в организме (в биологии) и в обществе (в социологии) — совершенно различны, и потому самый характер их кооперации представляет глубочайшие различия.

В общественности мы, поэтому, имеем особенный слой явлений, который может быть назван *над-органическим* миром.

С точки зрения чисто естественно-научной можно, в общей схематической формуле, сказать, что в организме входят в кооперацию простые *протоплазматические клетки*, а в общественности — одни *только нервные центры*. Это огромное различие означает, что в биологии происходит кооперация живого *вещества*, а в социологии — кооперация *личностей*.

Сущность органической жизни в слиянии

Вещество, охваченное тем таинственным процессом, которое мы называем живым состоянием, сливается в клетки, которые в свою очередь при малейшем совместном сближении сливаются между собой в более сложные агрегаты и образуют *организм*. О клеточках мало сказать, что они имеют способность сливаться в организм: они прямо не способны удержаться от слияния. Так, если несколько штук *Circinalium concrescens*, находясь поблизости, разрастаются до соприкосновения — они сливаются в одно так называемое «колониальное животное». *Manobiae confluentes*, начиная совместно высасывать какую-нибудь крупинку, соединяются своими лучами и тоже сливаются в колонию, хотя могут иногда опять распадаться. Обыкновенные губки в молодости живут независимо, но потом, прикрепляясь в одном месте, немедленно начинают сливаться, причем отдельная губочка, смотря по тому, в какое место скопления случайно попала — становится то органом питания, то органом пищеварения, то извергательным каналом. Вообще, закон простого живого вещества состоит в слиянии, результатом которого является организм.

Но при кооперации организмов этого слияния уже нет. Здесь является *личность*, которая при кооперации не уничтожается, а остается сама собою.

Социальная (общественная) жизнь возможна только среди личностей

И вот социальные явления, социальная связь происходят только в мире *животных*, где есть *особь*, *личность*, причем вся связь держится не на почве общих свойств животного вещества, а на почве исключительно *психологической*, на почве *чувства*, *представления* и *воли*. Эти личности только находятся в *общении*, но не сливаются и даже не способны к слиянию, ибо самая сущность их состоит в индивидуальности. Если бы особи слились, они уничтожились бы. Организмы, в отличие от простого живого вещества, способны поддерживать свою жизнь только тогда, пока они отделены и сами заведуют отправлениями своих органов. Если бы мы вздумали превратить целый организм только в сердце, только в легкие или мозг, вообще только в особый орган — этот организм немедленно погибнет.

Значение общества для человека

Общественность имеет для личности, для человека огромное значение.

Общественность есть закон существования, но такой закон, который не внешне навязывается человеку (как законы природы неорганической или даже законы нашей физиологии), а создается свойствами нашего собственного чувства, представления и воли.

Божественным творчеством в свойствах личности заложено все необходимое для того, чтобы тянуть нас к общественной жизни. Привычка, зарожденная с детства, затем поддерживается потребностью в обмене впечатлений, составляющей основное психологическое свойство всякого животного. Это свойство неудержимо влечет людей друг к другу даже помимо всяких утилитарных расчетов, а просто потому, что этот обмен дает каждой особи как бы усиленное ощущение своей жизни. Итак, само чувство жизни направляет к общественности. Точно так же и рассудок влечет нас к тому же.

Общество есть наиболее благоприятная *среда* для развития человека.

В этом отношении значение общества так велико, что, конечно, без него человек не мог бы быть человеком.

Оно в бесконечной степени увеличивает и утончает силы личности, давая к услугам каждого силы всех других и их средства. Общество есть хранилище опыта, знаний и материальных средств предшествующих поколений, благодаря чему вновь рождающаяся бессильная личность сразу вступает в даровое обладание средствами, о которых не могла бы и мечтать при иных условиях. Общество, наконец, есть великая школа для выработки самостоятельности личности в целой системе подчинений и командований.

Увеличивая в тысячу раз силу человека, общество вследствие этого вырабатывает в нем сознание своей силы и достоинства. В социальной среде человек чувствует себя господином мира, высшим существом. В самых рабских обществах есть гордые аристократические слои, которых идеалы личности становятся рано или поздно образчиками для остальной массы народа.

Недостаточность социальной жизни для человека, как существа духовного

Но при всей благодетельности социальной среды для развития человека, она не представляет полного и идеального помещения для него.

Причина этого состоит в том, что человеческая личность не есть только животная, *психологическая*, но также *духовная*. *Непосредственное* распоряжение обществом дано самому человеку, и общество повсюду таково, каким его желают иметь люди. Человек во всем, на что хватает Богом данных ему сил, устраивает свою социальную жизнь, как хочет, по своей психологии, по своему чувству, воле и рассуждению. Это дает в обществе огромную практику самостоятельности человека. Но — то самое, что развивает каждого члена общества, не дает возможности создать *среду* идеально высокую, высокую настолько, насколько высока потенциально природа человеческой личности.

В социальной среде действует не один человек, но вся совокупность людей, приблизительно равносильных, и общий ход жизни складывается, как некоторая равнодействующая этого множества составляющих сил. Это делает социальную среду неизбежно очень, в среднем, низкой сравнительно со стремлениями лучших ее людей. И это обстоятельство — совершенно неизбежное, навеки неизбежное. Сверх того в обществе нет *единой* личности, которая бы сливалась в себе, в качестве отдельных частей, психологические силы всех особей, давая им идеальный порядок соотношений.

Поэтому человек не удовлетворяется социальным строением, не может поместить в него всего себя без остатка, и чувствует постоянно, что это строение не полно, не дает всего, что человеку и его творческой силе необходимо для полноты жизни.

Такое полное, всецелое испомещение человеческой личности, какого жаждет его дух, возможно лишь в новом строе общественности, где высшим организующим элементом является Бог, то есть в *Церкви*.

Глава 2. Церковь, ей свойства и значение

Истинная религия — христианская — выделяет религиозную коллективность в особый строй — Церковь, которая не сливается с социальным строем и является общественностью *над-социальной*.

Различие между социально-политической средой и церковной весьма существенно. Организационное начало в обществе — есть человеческая личность, элемент *психический*. Организационным элементом Церкви является Бог, Личность Божественная, элемент *духовный*. Отсюда является разница в определении целей строения. В первом случае цели определяются человеком, во втором случае — Богом. В обществе человек работает на собственное «хозяйство», в Церкви является Божьим домостроителем. Отсюда проистекает далее разница и в характере организации.

Социальный элемент в Церкви

Но так как в церковную жизнь входит все-таки человек, со всеми своими психическими свойствами, требующими социального строя, то в церковной жизни также повторяются социальные законы кооперации, взаимопомощи, совместного действия. Эти законы, заметные еще в мире органическом, высоко развивающиеся в мире социальном, — в церковном строе становятся еще тоньше и глубже.

Не только наблюдение, но положительное разъяснение Св. Писания говорит нам, что духовные дары в нас *различны*, а между тем целью святости поставлена полнота совершенства. Она оказывается, таким образом, недостижимой иначе, как *совместной духовной жизнью*. Человек в Церкви нуждается в других её членах совершенно так же, как гражданин общества не может обойтись без других своих сограждан.

Учение ап. Павла

Апостол Павел хорошо объясняет это в Послании к Коринфянам ([1 Кор. 12: 7-12](#)). «Каждому, — говорит он, — дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все сие производит один и тот же Дух, *разделяя каждому особо*, как Ему угодно. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос». При этом «не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны» (ст. 21). Все друг в друге, стало быть, нуждаются. Интересы членов тела Христова солидарны. «Страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены» (ст. 26). Поэтому не нужно, чтобы являлось разделение, а нужно, чтобы все члены одинаково заботились друг о друге.

Эта необходимость солидарности и взаимопомощи составляет положительный Божественный закон не для каких-либо материальных интересов, а для жизни духовной, для её полноты. «Вы — Тело Христово, а порознь — члены» (ст. 27), повторяет апостол. В Послании к Ефессянам (4:15—16) требуется, чтобы мы «всё возвращали в Того, Который есть Христос, из Которого все тело, составленное и сокупаемое посредством *всяких взаимно скрепляющих связей*, при действии в свою меру каждого члена"... Все действуют, а достигают лишь совместно. В цитированном Послании Коринфянам апостол говорит, что «иных Бог поставил апостолами, других пророками, третьих учителями; иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления» и т. д. Эти дары даны не все одному лицу сразу, а разным и неодинаковые. «Все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы? все ли имеют дары исцелений? все ли говорят языками? все ли истолкователи?»

Совершенно ясно, что всесторонней святости каждый человек не имеет, по крайней мере большую часть времени, в течение которого искал святости. Но при взаимопомощи каждый может пользоваться плодами дара, имеющегося у другого члена Церкви, почему и легче освящается сам. «Служите, — говорит апостол [Петр](#), — друг другу, тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией» ([1 Пет. 4:10](#)). Эта взаимопомощь в духовной жизни устанавливает тесную и необходимую связь между членами Церкви. На основе той же взаимопомощи различно одаренных членов Церкви устроена и иерархия священнодействия.

Церковь, как истинный организм

Общество человеческое лишь метафорически можно назвать «организмом», и если оно составляет юридическую личность, то всегда остается ассоциацией отдельных особей. В Церкви, напротив, отдельные личности представляют части одного тела Христова. В их коллективности обитает Одна Личность — Христос, чего нет и, по существу, не может быть в социальной среде.

Уподобление Церкви «телу» уже не есть метафора, а определение факта, одинаково делаемое всеми апостолами и отцами.

Апостол Павел пишет ефесянам, что Бог «поставил Его (Спасителя) выше всего, главою Церкви, которая есть тело Его, *полнота Наполняющего все во всем*» (1:22—23). Сравнивая отношения брачные с отношениями Христа и Церкви, он говорит: «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее»... Господь заботится о Церкви: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, *как и Господь Церковь*, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его... Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» ([Еф. 5:29-30, 32](#)). Это вселение Христа в Церковь — великая тайна — придает церковному обществу то, чего нет в социальной среде, как бы характер коллективной особи. Удаление христианина из Церкви *расчленяет* Христа. «Приказывай и убедительно внушай народу, — говорят Постановления Апостольские (стр. 94, 95), — чтобы прилежно ходил в Церковь... и отнюдь не оставлял собрания... чтобы никто удалением своим от нее не *увечил* Церкви и не делал тела Христова без члена... Не нерадите о себе, не отнимайте у Спасителя Его членов, не разделяйте членов Его тела, не расточайте Его членов». Религиозная обособленность является, таким образом, тяжким грехом против Тела Христова².

Временное значение общества для человека душевного

Социальная среда как создана, так и остается со *своими* законами, качествами, — остается она «миром сим», а не Царством Божиим. Церковь как особый, новый строй жизни, потому и нужна, что законы социальной жизни не способны дать того, что дает Церковь.

В общей экономии мировой жизни социальный строй необходим потому, что простая органическая жизнь не способна дать развитой личности. Выработка развитой психически, *душевно*, личности составляет задачу жизни социальной. Но выработка личности — с характером *духовного* существа — требует нового строя именно церковного, такого строя, где организующей личностью является Божество. Придать социальной среде функции духовные — невозможно, ибо в ней человек живет именно постольку, поскольку он еще не дал своему духовному элементу господства над душевным. Когда это произошло, то и надобности в социальной среде нет. Социальная среда нужна Домостроительству Божию как низший строй выработки личности. Но между социальной и церковной средой существует непреходимая грань — в их организационном элементе.

Организирующий центр в Церкви

Идеальный порядок есть там, где отдельные части связаны между собой естественными отношениями, вытекающими из самой природы их, а потому неоспоримыми, неизменяемыми и для всех дающими *полное* удовлетворение. Но такой порядок соотношений возможен лишь там, где единицы складываются около своего *естественного центра*. Бог — это единственная сила и власть, около которой люди могли бы группироваться естественно, бесспорно, получая каждый *свое* место.

Но в социальной среде, в обществе может возникать лишь власть условная, договорная. Как ни устраивай, но люди по природе — равны, хотя между ними и есть неравенство способностей, но это неравенство подвижно, переменчиво. Иной был способнее прочих, а потом обессилел, потерял преимущество. Иной способнее других в некоторых отношениях, но уступает почти всем в других отношениях. Иной, по способностям предков, занял первое место, а потом среди «смердов» вдруг появляются гении гораздо более могущественные... Поэтому власти *естественной*, такой, которая сама в себе заключала бы силу — в обществе нет. Её комбинации меняются беспрерывно. Общественную власть приходится строить искусственно и затем устанавливать общественную гармонию на этой искусственной власти и на системе права. Но право — есть система договорная, а то, что мы сами установили — мы сами можем и отменить. Поэтому единственное средство поддержать создаваемые нами центры и наше право — составляет элемент *принуждения*, насилие, ибо само себя право не поддержит. Однако, и принуждение нельзя сделать незыблемо прочным, потому что желания и силы людей меняются. Люди, вчера бывшие более сильными и установившие, для поддержания общественной гармонии, известную систему принуждения, сегодня оказываются ослабевшими, неспособными удержать порядок. На смену им идут другие, которые хотят установить иное право, иную систему принуждения. Узнать же, кто сильнее, кто должен уступить и покориться, очень часто нельзя иначе, как померившись силами.

Поэтому борьба есть вечный удел этой юридической, правовой системы порядка, характеризующей социальный строй.

В Церкви, напротив, есть незыблемый духовный центр: Бог. Группируясь около Него, люди, естественно, группируются и между собой, в тех естественных соотношениях, которые зависят от их духовного состояния. Божественный центр дает для нашего духовного элемента тот же стройный путь группировки, как, например, химическое сродство дает для группировки элементов неорганических. Тут *право* не только не нужно, но и невозможно, ибо все определяется естественным соотношением сил. Тут нет, юридически, ни прав, ни обязанностей, тут Дух Господень, а потому и свобода. Но тут нет также и возможности личного произвола, ибо личность в Церкви, живет духовной природой, при которой воля личности сама собой совпадает с волей Божией, все в Церкви устрояющей. Соответственно с этим образуется и весь церковный строй, его формы, его власть, его подчиненность, поскольку можно употреблять в отношении Церкви эти термины социального гражданского строя.

Нравственно-религиозный характер церковного строя

Церковный строй весь расположен так, чтобы члены Церкви были живыми членами Тела Христова, их взаимоотношение должно быть приспособлено к возможно большему взаимному освящению, возможно большему служению всех друг другу своими духовными дарами и чтобы во всей совокупности членов жила и непрерывно направляла все действия этого Тела именно воля Христова.

Все члены Церкви связаны между собой дарами и полномочиями, исходящими единственно от Христа и единственно Ему принадлежащими. Строго говоря, в юридическом смысле, в Церкви нет начальства и власти, и все друг другу подчиняются в тех пределах, какие указаны даром Христа.

Это не уменьшает церковной дисциплины, но придает ей характер нравственный и сохраняет в ней для верующего известную обязанность рассуждения о том, несомненно ли в действиях власти соблюдение того служения, ради которого ей должно повиноваться.

Святой Игнатий Богоносец пишет ефесянам (гл. 5): «Всякого, кого посылает домовладыка для управления своим домом, нам должно принимать так же, как самого посланного. Поэтому ясно, что и на епископа должно смотреть как на самого Господа». «Старайтесь делать всё в единомыслии Божиим, — пишет он магнезийцам, — так, как епископ председательствует на месте Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов, и диаконам... вверено служение Иисуса Христа». Это же повторяет он траллийцам и смирнянам. Такие свидетельства одинаковы у Отцов.

«Епископ — страж для народа», читаем в «Постановлениях Апостольских». Епископ, будучи головой, не должен внимать хвосту, то есть мирянину. Епископу надлежит «начальствовать над подчиненными» (стр. 39). «Пастыря доброго мирянин должен чтить, любить, бояться как господина, как владыку, как первосвященника Божия, как учителя благочестия». «Почитайте их начальниками и царями своими» (63)...

Итак, власть, кажется, огромная. Но в Церкви критерий всего есть Христос, а не люди, как бы ни было высоко поставлено их видимое служение. Это придает личности огромную самостоятельность, вменяемую в обязанность. Те же «Постановления» гласят: «Выслушайте, епископы, выслушайте и вы, миряне, как говорит Господь: рассужу между овчатем и овчатем и между овном и овном... Ибо и овцы и овны эти — *разумные, а не бессловесные*, чтобы мирянин сказал когда-нибудь: я овца, а не пастырь, я не обращал на себя никакого внимания, посему пастырь увидит, он один понесет за меня наказание... Ибо как овца, не идущая за хорошим пастырем, оставляется волкам на погубление, так и идущая за худым пастырем непременно умрет. Посему *надобно бегать пастырей-губителей*». И далее: «Епископ, объятый неведением или зломыслием, не есть уже епископ, но ложно носит это имя: не Богом избран, но людьми» (стр. 251—252).

Итак, член Церкви постоянно все поверяет Христом. Он остается разумной, а не бессловесной овцой. Сверх того, как бы ни был он мал — он все-таки есть носитель какого-нибудь дара, какой-нибудь силы Христовой и зачем-нибудь нужен для других, хотя бы и более сильных.

Об этом одарении всех мы выше видели разъяснения апостола Павла, который говорит даже, что немощнейшие члены тела пользуются особой заботой. А вот характеристическое место «Постановлений Апостольских»:

«Никто из вас да не превозносится перед братом, хотя бы был пророком или чудотворцем...

Ибо быть благочестивым зависит от благомыслия каждого, а творить чудеса от силы Того, Кем действуются они»... «Равно и епископ да не превозносится перед диаконами или пресвитерами, ни пресвитеры перед народом, потому что *собрание составляется из тех и других*» (стр. 250—251).

«Собрание составляется из тех и других»: вот характеристическое напоминание, что Христос — в коллективности, в совместной жизни, Тот Христос, от Которого Единого все дары, вся власть, всё управление в Церкви.

Соборность Церкви

Сознание того, что лишь в целой Церкви пребывает *полнота* Христа, выразилось в том, что вся жизнь, вся деятельность Церкви, совершалась в теснейшем взаимодействии всех членов. Так как власть принадлежит только Христу, а Христос действует в целостной Церкви, то *соборное* начало проникает церковный строй. При этом должно помнить, что идея соборности не состоит в преобладании большинства, а в полном единогласии *всех членов Церкви*. Это не подлежит ни малейшему сомнению. Должно оговориться только, что христианство — вообще не в форме, а в духе. Собрание даже небольшого числа лиц может выразить чувство, мысль и желание всех, если только выразит волю Христа, пребывающего в Церкви, и вся совокупность членов, не бывши физически на Соборе, признает решение как бы свое собственное и искренно повторит вслед за бывшими на Соборе: «Изволися Духу Святому и нам»...

Дело не в материальной форме, а в самом духе, который требует полной совместности *всех членов Церкви*. Апостолы, получившие власть от Самого Христа, всё, однако, совершали соборно. Внимая не себе и не людям, а Духу Святому, они иногда совершенно лично решались на весьма необыкновенные дела, но эти деяния становились немедленно достоянием всей Церкви. Так ап. Петр самостоятельно крестил Корнилия и других язычников, и это на минуту произвело даже некоторый соблазн, но за сим, выслушав апостола, христиане «успокоились и прославили Бога».

Итак, сущность соборности не во внешней форме собрания, а во внутреннем единении общей мысли и воли. Но потребность единения естественно приводила к общим собраниям и решениям. Она же выразилась в *избрании* лиц священного сана.

В «Деяниях» неясно, кем произведено избрание апостола Матфея на место Иуды Искариотского. Но апостол Петр говорил при этом пред целым собранием из 120 человек. Что касается нового учреждения диаконов, то оно произведено чисто соборным порядком ([Деян. 6:1-6](#)). Первый апостольский Собор постановил решение от имени всей братии ([Деян. 15:22-29](#)). Избрание епископов народом составляло в древности общее правило. По Зонаре само слово — «хиротония» — получило свое начало от этих избраний, при которых народ в знак согласия подымал руки. Но смысл этих избраний не в том, чтобы представить «общественную волю», а в сохранении полной совместности, духовной слитности верующих.

Оставаясь разумными, а не бессловесными овцами, миряне подчиняются Христу, а не людям. Точно так же и епископ подчиняется Христу, а не общественной воле. Этот дух проявляется и в факте избрания епископов, и в почти безграничной их власти над народом и клиром, которые, однако, при этом обязаны охранять волю Христа, живущего во всей совокупности верующих, а не в одном священстве.

При всех изменениях управительного строя в Церкви мы, православные, доселе помним это. Послание Восточных Патриархов и в новейшее время указывает римско-католикам, что «у нас ни Патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый *народ*» ([Пар. 17](#)).

Значение Церкви для религиозной личности

Огромное, можно сказать, всеопределяющее значение, которое для личной религиозной жизни имеет церковная коллективная жизнь, делает в высшей степени важным вопрос о церковном строе.

Церковный строй имеет своей задачей достигнуть того, чтобы каждая личность могла сколько-нибудь действительно пребывать членом Тела Христова. О правильности этого условия религиозной жизни мы ныне весьма мало заботимся, а между тем оно, в наше время, имеет даже в целях личной религиозной жизни гораздо больше значения, нежели в те эпохи, когда среди ищущих спасения жили непосредственные ученики апостолов.

Сохранение правильности церковного строя для члена Церкви несравненно более важно, нежели сохранение правильного политическо-социального строя для гражданина мирского государства. Граждане из благоразумия и понимания своих интересов, не должны допускать подрыва некоторых общих основ, явно требуемых законами человеческой психологии. Но во всех вторичных построениях общественности и государственности граждане совершенно свободны в выборе. Они строят сами и для себя, следовательно, властны действовать по своему вкусу и соображению. Никто не может отрицать их права воздвигать свое общество так, как им, хотя бы и ошибочно, кажется более удобным.

Не таково положение члена Церкви в отношении своего церковного строя, который определен Волей Божией в тех целях, чтобы коллективность людей стала живым Телом и обиталищем Спасителя. Это обиталище должно быть таково, какое угодно иметь Спасителю. Мы можем выйти из Церкви, можем отказаться служить Спасителю, как обиталище Его. Вольно каждому быть с Богом или без Бога. Но уж если мы желаем быть живым храмом Божиим, то должны иметь между собою именно такие отношения, такой коллективный строй, какого требует Господь.

Здесь наша воля непременно должна быть в гармонии с волею Божественной, и если бы этого не было, то наша Церковь самым фактом расхождения с Богом — перестала бы быть Церковью.

Эта вселенская, апостольско-соборная незыблемость церковного строя является необходимым условием личной религиозной жизни. Искажение этого строя создает практику жизни, противную истинной вере, и постепенно пролагает дорогу и к искажению догмата. Да и спасающее значение догмата вполне зависит от того, живем ли мы и действуем согласно содержанию его формулы.

Невозможно представить, чтобы личность осталась действительно в связи с Богом, если она стала небрежно относиться к Церкви или высокомерно полагает, что для нее Церковь не нужна. Точно такое же высокомерие проявлялось бы в выборе нами каких-либо отдельных сторон церковности и в отвержении других. Сказать себе: мне нужно жить в Церкви, потому что она меня приобщает к таинствам, но управление её мне не нужно — это означало бы, что у рассуждающего так совершенно исчезло понятие о Церкви как живом Телe Христа. Точно так же нельзя сказать себе: управление церковное нужно и должно быть разумным, но мы можем сами себе придумать формы его не хуже, чем придумала древняя Церковь. Это, во всяком случае, составляло бы разрыв с древней Церковью, с Соборами, апостолами, то есть — выход из Вселенской Церкви.

Сверх того мы и не можем придумать ничего лучшего. Установить формы такой тонкой организации, приспособить общие законы социальной жизни к задачам жизни духовной —

создать этого люди сами по себе не могли бы. Это построение, проникнутое элементом таинственного, могло быть сделано только Богом.

Каждый христианин находит себе в вечных основах церковно созданного строя, на каждой стадии своего духовного развития, наилучшие условия для успеха, наиболее помощи своей духовной жизни. С другой стороны, он, как бы ни был духовно беден, все-таки что-нибудь вносит в Церковь. Он в Церкви не раб перед кем бы то ни было, кроме Христа. Церковная организация именно и создана для поддержания такого единства людей, которое требуется духовной жизнью, где человек, никогда не выходя из божественной дисциплины, всегда, однако, остается самостоятельным и сознательным существом. Ничего подобного люди сами по себе не могли бы создать, потому что только благодаря присутствию Христа в этой коллективности она становится не мечтой, а действительностью. Если мы попробовали бы создать нечто подобное, но без реального присутствия Христа, мы получили бы строй либо анархический, либо деспотический, не выдерживающий сравнения даже с нашим социальным строем.

Но это непереносимое присутствие Божественного элемента ограничивает изменения церковного строя лишь незначительными приспособлениями к историческим или национальным особенностям. По существу же этот строй приспособлен всеведущей волей к законам психологическим и социальным, которые вечны, так что и установленное с начала Церкви приспособление к ним навсегда останется одно и то же.

Нам, людям, невозможно отваживаться перестраивать дело Духа Святого. Хранить это построение — это для члена Церкви не есть какое-нибудь внешнее юридическое обязательство, подобное соблюдению «конституции», раз она установлена. Нет, это есть сохранение необходимых норм коллективно-религиозной жизни, оставить которые значит покинуть саму жизнь.

Мы говорили до сих пор о строе, который дает каждой личности то или иное место в церковном организме.

Но этот церковный организм живет не только в форме внутреннего взаимообщения и взаимодействия этих малых «клеточек» — людей.

Участие христианина в осуществлении мировых задач Церкви

Церковь имеет мировые задачи, участие в которых неизбежно для всех, кто не уходит из этого великого тела, не отрывается от него в его движении через столетия и тысячелетия исторического шествия Церкви среди народов и государств человеческого рода.

Религиозная жизнь личности имеет целью участие в Царствии Божиим. Но мировые цели Церкви состоят именно в приготовлении места для Царствия Божия, которое открывается для некоторых теперь же, а к концу веков должно открыться для всех, призванных к спасению, и новой землей и новыми небесами сменить нынешний мир.

Эта цель осуществляется каждым отчасти уже в процессе своей личной выработки. Но Церковь осуществляет её также в историческом процессе, охватывая неводом Царствия Божия все народы и эпохи, чтобы выбрать всю «добрую рыбу», какая в человечестве была, есть и еще должна явиться. Ничто, годное к спасению, не должно быть опущено; всем народам должно быть проповедано Евангелие Царствия; всем должны быть доставлены те средства спасения, какими располагает Церковь; от всех должны быть отстранены препятствия к слышанию проповеди и к пользованию духовной жизнью. Этот огромный исторический труд созидания вселенского тела Христова из людей всех племен и времен совершается в непрерывной борьбе с противодействием злых сил, с «тайной беззакония», замышленной для разрушения дела Божия Промысла, которая, как положительно предупреждает Откровение, будет иметь в истории огромные успехи, а побеждена будет только вторым пришествием Спасителя, в минуту кажущегося полного торжества зла и страшного разгрома истины.

К этой непрерывной борьбе со злом, стремящимся сохранить власть над миром, все христиане призываются как «Божии домостроители», как «добрые воины Христовы». В этой миссии Церкви каждая личность, по мере сил, должна принимать участие. Трудно вычислить, какой огромной силы напряжения ума, чувства любви к Христу и к людям, и ненависти к Началу зла — требует от христиан участие в исторической миссии Церкви. Довольно уже указать на всемирную проповедь и приобщение всех народов к Церкви. Но сверх того — для борьбы за дело Божие требуется внимательно следить за ходом мировой истории, чтобы подмечать в ней действия «тайны беззакония» и мешать её успехам. Тут открывается огромный труд для христианской мысли, науки и практического действия. И все это — есть служение Церкви, исполнение наших обязанностей, как членов тела Христова. Известное улучшение социальной жизни, несомненно, входит в обязанность Церкви и её членов, создавая также весьма обширную область попечения. Христианство в этом отношении сделало очень много в истории, и, в сущности, именно им, его уроками, его духом, подсказаны многие улучшения, совершенные неверующими не по какой-либо особой данной им благодати, а просто потому, что все они получали свои первоначальные уроки от христианства.

Но в той же области культурных улучшений именно неверующими возбуждаются огромные антихристианские силы. Помня уроки христианства о делах милосердия, но лишённые благодати, забыв о Боге и о духовной стороне человека, неверующие прогрессисты создают культурные идеалы, ведущие к полному упадку личности человека, ставят основной задачей культуры материальное благосостояние, а в его осуществлении мечтают заменить личность учреждениями, доходя в социализме до превращения человека в безличное колесо чисто механического экономического строя. Во всех этих идеалах уродливо копируется Церковь, с заменой всеживотворящего Бога какой-нибудь механической или вообще материальной силой. Тут чувствуется действие «тайны беззакония», стремящейся отнять у человечества христианство

подражанием внешности его духа. Вся эта огромная область не только «лжеучений», но «лжедействий», требует отпора со стороны христианства, которое должно стоять на страже того, чтобы под флагом культуры и улучшения форм жизни не подготовлялось порабощение людей духу зла, «князю мира», отбивающего людей от Бога, уж конечно, не для того, чтобы дать им взамен хотя бы чисто материальное, животное счастье.

Огромная работа стоит, таким образом, перед Церковью, долженствующей провести Царствие Божие через тысячелетия мировой борьбы, и член тела Христова может ли не участвовать в этой работе, если он только жив, а не мертв? Деятельная солидарность с задачами Церкви в мировом процессе борьбы добра и зла, Христа и Антихриста, есть также часть нашей жизни во Христе, если мы не принадлежим к тем, о ком сказано: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв», «Знаю дела твои: ты ни холоден, ни горяч... изблюю тебя из уст Моих», и «Ты говоришь — я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок и нищ, и слеп и наг"...

Многое можно бы сказать еще о работе личности в Церкви. Но я думаю, что и сказанного достаточно для показания того, отчего бедна, суха и неудовлетворительна для нас наша религиозная жизнь.

Заключение

Она стала *индивидуалистична*, более индивидуалистична, чем допускается истинным религиозным чувством для его жизненности. Церковность — величайшее проявление человеческой коллективной жизни — так сузилась, что стала в глазах многих беднее государственности. Что такое значит жить в государстве и для государства — это ясно. А что значит жить в Церкви и для Церкви — закрылось перед очами... Но разве так можно жить религией христианской? Сообразим хотя бы в общих чертах сложную по содержанию, великую по задачам, глубокую по захвату духа нашего, полную труда по многообразной работе — жизнь нашу, какой она *должна быть* в Церкви, со Христом: если мы сопоставим с этим *нашу* действительную, так называемую религиозную, жизнь, то страх берет. С Богом ли мы, живя так, как живем? А если с Богом нельзя так быть, то многого ли стоят наши религиозные «искания», в которых мы говорим «Господи, Господи», а того, что Господь указывает — упорнейше не творим? Разве могут тут не являться томление духа — и блуждания? Мы берем из Церкви так мало помощи и вносим в жизнь тела Христова до такой степени мало, что сами создаем в себе полное оскудение даров Божиих и сами себя лишаем жизни во Христе.

Мы, говорят, «ищем Бога»... Но Бога можно найти только там, где Он находится, то есть в Церкви и в жизни Его жизнью. Одно слово «религия», «церковь» — не поможет. Только входя всеми фибрами существа нашего — у кого какое есть — в эту одухотворенную «над-социальную» среду, которая есть Тело Христово, человек находит свое истинное помещение, ощущает себя «дома», в своей настоящей среде. Но быть в ней — значит жить всей жизнью этого Тела Христова, получать от него приток духовных соков, передавать ему умноженный талант свой, участвовать, по свойству полученного дара, в животворной деятельности, охватывающей и судьбы малейшего из человеков, и судьбы народов, и судьбы всего мира. И если мы ничего этого не берем и не даем, то мы не живем религиозной жизнью!

Существенное в каждом вероисповедании едва ли можно выразить, выяснить на бумаге или в определенной формуле. Самое существенное, самое упорное и драгоценное в церковном веровании — неуловимо, недоступно определению, подобно разнообразию света и теней, подобно чувству, сложившемуся из бесконечного ряда последовательных ощущений, представлений и впечатлений.

Сущность вероисповеданий неразрывно связана с племенными особенностями

Самое существенное — связано и сплетено множеством таких тонких корней с психической природою каждого племени и с общими, сложившимися в нём, началами нравственного мирозерцания, что невозможно отделить одно от другого. Разноплеменные и разноцерковные люди могут, во многих отношениях, при встрече, во взаимном общении, почувствовать себя братьями и подать друг другу руки; но для того, чтоб они почувствовали себя братьями в одном храме, соединились в религиозном общении духа, — для этого надобно им долго и много прожить вместе, друг друга понять во всей жизненной обстановки и сплестись между собою в самых внутренних корнях глубины душевной. Так иногда немец, долго проживший в России, бессознательно привыкает веровать по-русски, и в русской церкви чувствует себя дома. Тогда он *входит* к нам, становится одним из наших, и общение его с нами — полное, духовное. Но чтобы то или другое общество протестантов, вдалеке от нас стоящее, по слуху судящее об нас, могло, по книжному или отвлеченному соглашению о догматах и обрядах, соединиться с нами в одну церковь органическим союзом и стать едино с нами по духу, — этого и представить себе, нельзя. До сих пор не удавалась еще ни одна церковная уния, основанная на соглашении: рано или поздно обнаруживалось фальшивое начало такого союза, и плодом его бывало повсюду умножение не любви, а взаимного отчуждения или даже ненависти.

Свидетельство непосредственного чувства

Сохрани Боже порицать друг друга за веру! Но нельзя не чувствовать, когдаходишь к иной вере, несродной, несочувственной, что здесь — не то, что у нас; здесь неприятно и холодно; здесь не хотел бы жить. Пусть разум говорит отвлеченным рассуждением: ведь они тому же Богу молятся. Чувство не всегда может согласиться с этим рассуждением; иногда чувству кажется, что в чужой церкви как будто не тому Богу молятся.

Многие станут смеяться над таким ощущением; пожалуй, назовут его суеверием, фанатизмом. Напрасно. Ощущение не всегда обманчиво: в нем сказывается иногда истина прямее и вернее, нежели в рассуждении.

В протестантском храме, в протестантском веровании холодно и неприятно русскому человеку. Мало того, если ему дорога вера, как жизнь, — он чувствует, что назвать этот храм своим — для него все равно, что умереть. Вот непосредственное чувство. Но этому чувству много и резонных причин. Вот одна из них, которая особенно поражает своей очевидностью.

Вопрос о вере и делах

В богословской полемике, в спорах между религиями, в совести каждого человека и каждого племени, один из основных вопросов — вопрос о *делах*. Что главное — *дела* или *вера*? Известно, что на этом вопросе препирается доньне латинское богословие с протестантским. Покойный Хомяков в своих богословских сочинениях прекрасно разъяснил, до какой степени обманчива схоластически-абсолютная постановка этого вопроса. Объединение веры с делом, равно как и отождествление слова с мыслью, дела со словом — есть идеал недостижимый для человеческой природы, как недостижимо все безусловное... идеал, вечно возбуждающий и вечно обличающий верующую душу. Вера без дел мертва; вера, противная делам, мучит человека сознанием внутренней лжи, но в необъятном мире внешности, объемлющем человека и пред лицом бесконечной вечности — что значит, *дело* и *всяческие дела*, что значат — без веры?

«Покажи веру твою от дел твоих» ([Иак. 2:18](#))

Покажи мне *веру твою* от дел твоих — страшный вопрос! Что на него ответить *уверенному*, когда спрашивает его *испытующий*, ищущий познать истину от дела? Положим, что такой вопрос задает протестант православному человеку. Что ответить ему православный? — Придется опустить голову. Чувствуется, что показать нечего, что всё не прибрано, всё не начато, всё покрыто обломками. Но через минуту можно поднять голову и сказать: грешные мы люди, и показывать нам нечего, да, ведь, и ты не праведный. Но приди к нам сам, поживи с нами, и увидишь нашу веру, и почувешь наше чувство, и, может быть, с нами слюбишься. А дела наши, какие есть, сам увидишь. После такого ответа девяносто девять из ста отойдут от нас с презрительной усмешкой. В сущности, всё дело только в том, что мы показывать дела свои против веры не умеем, да и не решаемся.

Ответ католиков

А они показывают. И умеют показать, и, правду сказать, есть им что показать, в совершенном порядке — веками созданные, сохраненные и упроченные дела и учреждения. Смотрите — говорит католическая церковь, — что я значила и что значу в жизни того общества, которое меня слушает и мне служит, что я создала и что мною держится. Вот дела любви, вот дела веры, вот дела апостольства, вот подвиги мученичества, вот полки верные, как один человек, которые я рассылаю на концы вселенной. Не явно ли, что со мною и в нас благодать пребывает от века и доньше?

Ответ протестантов

Смотрите, — говорит протестантская церковь, — я не терплю лжи, обмана и суеверия. Я привожу дела в соответствие и разум в соглашение с верой. Я освятила верою труд, житейские отношения, семейный быт, верою искореняю праздность и суеверие, водворяю честность, правосудие и общественный порядок. Я учу ежедневно, и учение мое, близкое к жизни, воспитывает целые поколения в привычке к честному труду и в добрых нравах. Человечество призвано обновиться учением моим — в добродетели и в правде. Я призвана искоренить, мечом слова и дела, разврат и лицемерие повсюду. Не явно ли, что сила Божия со мною, потому что во мне *истинное воззрение на религию?*

Практицизм протестантского воззрения

Протестанты доньше спорят с католиками о догматическом значении *дела* в отношении к вере. Но, при совершенной противоположности богословского воззрения на этот предмет, и те и другие ставят *дело* во главу своей религии. Только у латинян дело служит в оправдание, в искупление, во свидетельство о благодати. Лютеране, с другой стороны, смотрят на дело и, в связи с делом, на саму религию, с практической точки зрения. Дело как будто обращается у них в *цель*, для которой существует религия, становится оселком, на котором испытывается *правда* религиозная и церковная, и вот пункт, на котором, более чем на всяком другом, наша религиозная мысль расходится с религиозной мыслью протестантизма. Без сомнения, высказанное сейчас воззрение не составляет догматического положения в лютеранской церкви, но им проникнуто все её учение. Бесспорно, в нем есть весьма важная *практическая* сторона, для *здешней* жизни, для *мира сего*; и оттого многие, даже у нас, готовы иногда ставить нашей Церкви в образец и в идеал церковь протестантскую.

Противоречие его духу православного человека

Но русский человек, в глубине верующей души, не примет никогда такого воззрения. *Благочестие на всё полезно* — и по апостольскому слову; но это лишь одна из *естественных* принадлежностей благочестия. Русский человек не менее другого знает, что жить должно *по вере*, и чувствует, как мало сходна с верою жизнь его; но существо и цель веры своей полагает он не в практической жизни, а в душевном спасении, и любовь церковного союза ищет обнять всех — от живущего по вере праведника до того разбойника, который, несмотря на дела, прощен был в одну минуту.

Особенное внимание к делам англиканских христиан

Это *практическое основание* протестантизма нигде не выражается так явно, как в церкви англиканской и в духе религиозного воззрения английской нации. Оно и согласуется с характером нации, выработавшимся в её истории — направлять мысль и деятельность повсюду к практическим целям, стойко и неуклонно добиваться успеха и во всем избирать те пути и способы, которые ближе и вернее ведут к успеху. Это природное стремление необходимо должно было искать себе нравственной основы, выработать для себя нравственную теорию; и немудрено, что нравственные начала нашли для себя санкцию в соответствующем известному характеру религиозном воззрении. Религия бесспорно освящает нравственное начало деятельности, учит, как жить и действовать на земле, требует трудолюбия, честности, правды. Нельзя не согласиться с этим положением. Но от этого положения практический взгляд на религию прямо переходит к вопросу: что же за религия у того, кто живет в праздности, нечестен и лжив, развратен, беспорядочен, не умеет поддержать себя? Такой человек язычник, а не христианин; лишь тот христианин, кто живет по закону и являет в себе силу закона христианского.

Рассуждение, по-видимому, логически правильное. Но у кого не шевелится в душе вопрос: как же быть на свете и в церкви мытарям и блудницам, тем, которые, но слову Христову, предваряют нередко церковных праведников в Царствии Божиим?

Разумеется, странно было бы предполагать, что такой взгляд на религию составляет положительную формулу церковного верования в Англии. Такая *формула* была бы явным отрицанием евангельского учения. Но таков именно дух религиозного воззрения у самых добросовестных и ревностных представителей так называемого «национального церковного учреждения», отстаивающих и восхваляющих англиканскую церковь, как первую твердыню государства — и как основное выражение духа национального. В английской литературе, как в духовной, так и светской, это воззрение выражается иногда в весьма резких формах, в таких словах, пред которыми останавливается с недоумением, похожим на ужас, мысль русского читателя.

Признание англиканца-протестанта Стефена

Есть сочинение замечательное по глубине и основательности мысли, написанное человеком, очевидно, верующим, глубоко и ревностно преданным своей церкви. Вот что здесь сказано между прочим о религии:

«Некоторые религии, очевидно, не благоприятны чувству общественного долга. Иные не имеют никакого к нему отношения, а из тех религий, которые ему благоприятствуют (таковы, в большей или меньшей мере, все формы христианской веры), одни действуют на него с особенною, другие с меньшею силой. Можно сказать, что всего могущественнее действуют в этом смысле те религии, в коих господствует над всем образ бесконечно мудрого и могущественного Законодателя. Его личное бытие неисследимо для человеческого разума; но Он сотворил мир таким, *каков есть мир*, сотворил его *для рода людей благоразумных, твердых и смелых духом и устойчивых; для тех*, которые сами не безумны и не трусливы, и не очень жалуют безумных и трусов, знают твердо, что им нужно, и с решимостью употребляют *все законные средства, чтобы того достигнуть*. Такая-то религия составляет безмолвное, но *глубоко укоренившееся убеждение английской нации*, в лучших, солиднейших её представителях. Они представляют наковальню, о которую избилось уже множество молотов, и избьется еще того больше, не взирая ни на каких энтузиастов и гуманитарных мечтателей» (Stephen. Liberty, equality, fraternity). Вот до какого понятия о религии может дойти мысль уверенного англиканца-протестанта.

Смещение земного с небесным

Выписанные слова, в сущности, содержат в себе, прямое извращение евангельского слова; они как будто говорят: *блаженны крепкие и сильные* в деле: им принадлежит царство. Да, скажем мы: — царство земное, но не царство небесное. Автор не делает этой оговорки, он не различает земного от небесного. Какая страшная, какая отчаянная доктрина!..

«Горе слабым и падающим! Горе побежденным!» Конечно, в здешней жизни это — непреложная истина, и правило житейской мудрости говорит каждому: борись, входи в силу и держи в себе силу, если хочешь жить; слабому нет места на свете. Но придавать этому правилу безусловную, как бы догматическую силу в религиозном смысле — вот чего наша душа не принимает, как не принимает она сродного протестантству ужасного кальвинского учения о том, что иные от века призваны к добродетели, к славе, к спасению и блаженству, а другие от века осуждены, и, что бы ни делали в жизни, всё влечет их в бездну отчаяния и вечных мучений.

Писатели Карлейль и Фруд

Страшно читать иных английских писателей, у которых с особенной силой звучит эта струна англиканского протестантизма. У Карлейля, например, доходит до восторженного пафоса поклонение силе и таланту победителя и презрение к побежденным. Созерцая своих героев, сильных людей, он чувствует в них воплощение *божественного*, и с тонким презрительным юмором говорит о тех слабых и несчастных, неловких и падших, которых раздавила победная колесница.

Всего тяжелее читать Фруда, знаменитого историка английской реформации, и самого видного, между историками, представителя английских национальных начал в церкви и в политике.

Упоминая о страшных казнях, которым подвергались в ту пору так часто и невинные, наравне с виноватыми, строгий судья человеческих дел так говорит о своем народе: «англичане — строгий и суровый народ — они не знают сострадания там, где *нет законной причины* допустить сострадание; напротив того, они исполнены священного и торжественного ужаса к злодеянию — чувство, которое, по мере своего развития в душе, необходимо закаливает её и образует железный характер. Строгого нрава человек склонен к нежности тогда лишь, когда остается еще место добру посреди зла, и добро еще борется со злом; но в виду совершенного развращения и зла никакое сострадание немыслимо; оно возможно разве только тогда, когда мы в своем сердце смешиваем *преступление с несчастьем*».

Какое презрение должен чувствовать автор к русскому человеку, у которого подлинно есть в душе такое смешение, и который искони называет *преступника несчастным!*

Достоинства и слабости протестантизма

Как личный характер, характер племени, так и характер каждой церкви, в связи с усвоившим её племенем, имеет и свои достоинства, и свои недостатки. Достоинства протестантизма достаточно выяснились в истории германского и англо-саксонского племени. Пуританский дух создал нынешнюю Британию. Протестантское начало привело Германию к силе, к дисциплине и единству. Но на оборотной стороне его есть такие недостатки, такие стремления религиозного самосознания, которые не могут быть нам сочувственны. Протестантство — как всякая духовная сила — склонно к падению именно в том, в чем полагает свои коренные духовные основы. Стремясь к абсолютной правде, к очищению верования, к осуществлению верования в жизни, — оно слишком склонно уверовать в собственную правду и увлечься до гордого поклонения своей правде и до презрения к чужому верованию, которое отождествляет с неправдою. Отсюда, с одной стороны, опасность впасть в лицемерие и фарисейскую гордость. И подлинно, немало слышится из протестантского мира голосов, которые с горечью сознают, что лицемерие составляет язву строгого лютеранства. С другой стороны, начав с проповеди о терпимости, о свободе мысли и верования, протестантство в дальнейшем развитии своем выказало склонность к фанатизму особого рода, — к фанатизму гордого разума и самоуверенной праведности перед всеми прочими видами верования. Строгий протестантизм с презрением относится ко всякому верованию, которое представляется ему неочищенным, недуховным, исполненным суеверий и внешних обрядностей, ко всему, что он сам отбросил, как рабские узы, как детскую одежду, как принадлежность невежества. Создав для себя сам кодекс верований и обрядов, он считает свое исповедание исповеданием избранных, просвещенных и разумных, и всех, держащихся старой Церкви, склонен считать людьми низшего рода, не умеющими возвыситься до истинного разумения. Это презрительное отношение к прочим верованиям, может быть, несознательно выражается в протестантстве, но оно слишком ощутительно для иноверцев. Никакая религия не свободна от большей или меньшей склонности к фанатизму; но смешно слышать, когда с обвинением в фанатизме обращаются к нам лютеране. У нас, при терпимости ко всякому верованию, свойственной национальному характеру нашему, встречаются, конечно, отдельные случаи исключительности и узости церковных воззрений, но никогда не бывало и не может быть ничего подобного тому презрению, с которым строгий лютеранин смотрит на непонятные для него, но для нас исполненные глубокого духовного значения принадлежности нашей церкви и свойства нашего верования.

Народность русской церкви

Ни в чем так явственно, как в церкви, не ощущается различие между общественным духом и складом англо-саксонского и, например, русского племени. В английской церкви, сильнее, чем где-либо, является у русского человека такая мысль: много здесь хорошего, но все-таки — как я рад, что родился и живу в России. У нас в церкви можно забыть обо всех сословных и общественных различиях, отрешиться от мирского положения, слиться совершенно с народным собранием, перед лицом Бога. Наша церковь большею частью и создана на всенародные деньги, так что рубль от гроша различить невозможно; во всяком случае, церковь наша есть всенародное дело и всенародное достояние. Оттого она всем нам вдвое дороже, что, входя в неё, последний нищий чувствует совершенно так же, как и первый вельможа, что это — его церковь. Церковь — единственное место (какое счастье, что у нас есть такое место!), где последнего бедняка в рубище никто не спросит: зачем ты пришел сюда, и кто ты такой? — где богатый не может сказать бедному: твое место не возле меня, а сзади.

Церковь и богослужение у англичан

Здесь — войдите в церковь, посмотрите на церковное собрание. Оно благоговейно, оно может быть, торжественно, но это — собрание леди и джентльменов, из которых каждое лицо имеет свое место, ему особенно присвоенное; а богатые люди и знатные в своем околотке — имеют места отделенные и украшенные, точно ложи. Можно ли, со стороны глядя, удержаться от мысли, что церковное собрание здесь лишь видоизменение общественного собрания, и что в нем есть место только так называемым в обществе «порядочным людям»? Все молятся по своим книжкам, но как у каждого в руках своя книжка, так видно, что каждый желает быть и перед Богом — сам по себе, не теряя своей индивидуальности. Говорят, что в последние 20—30 лет совершилась еще в этом отношении заметная перемена: места в церквях — большей частью открытые, т. е. не отгороженные наглухо, и доступ к ним стал свободнее, чем прежде; а в прежнее время, особенно в провинции, и места в церквях устраивались закрытыми или отдельными стойками так, чтобы владелец каждого места мог молиться *спокойно*, уединенно, не смущаясь никаким соседством. Как ясно отражается в этом расположении церковном история здешнего феодального общества, и сама история здешней церковной реформы! *Nobility* и *gentry* составляют все, и все ведут за собой, потому что всем обладают и всё к себе притягивают. Все должно быть куплено или взято с бою, даже право иметь место в церкви. Само *священнослужение* — есть право известного рода, полагаемое в цену. Места пасторские, с правом на известный доход или окладное содержание, составляют в Англии принадлежность вотчинного права, *патронатства*, и выбор на место составляет достояние — или частных землевладельцев, или короны, в силу не столько государственного, сколько феодального владельческого права. Оттого и пастор, посреди народа, независимо от народа назначенный и не зависящий от народа в своем содержании, является среди народа тоже в виде князя, свыше поставленного. Церковная должность прежде всего представляется привилегией и достоянием; и стыдно сказать: это достояние служит предметом торга. Места главных священников могут быть сдаваемы за известную цену, сложенную из капитализации дохода, так же, как сдаются места стряпчих, нотариусов, маклеров и т. п. В любой английской газете, в особом отделе объявлений о так называемых *preferments*, вы встретите ряд предложений купить место священника с описанием доходных статей: расхваливается место, с его удобствами для жизни, описывается дом, местоположение, означается доход, и предлагается цена с предупреждением, что нынешний *incumbent* стар, таких-то лет, и, вероятно, недолго будет пользоваться своим положением. Для переговоров указано обращаться туда-то. В Лондоне издается даже особенный журнал («*The Church preferment registrar*») с подробным описанием всех статей, угодий и доходов каждого места, для сведения и расчета желающих получить его за известную сумму.

Чрезвычайное развитие сект и партий у англичан

Религиозная и молитвенная потребность в массе народной, не находя себе места и удовлетворения в так называемой «установленной», государственной церкви, стала искать исхода в вольных самоуставных церковных собраниях и в разнообразных сектах. Деление церковного обряда здесь непомерное между жителями самого незначительного местечка. Сама «установленная» церковь делится на три партии, и сторонники каждой из них (так называемой Высокой, Низкой и Широкой церкви) имеют обыкновенно свою церковь и не ходят в чужую. В небольшой деревне, где не более 500 человек постоянного населения, существуют нередко три церкви англиканские и, кроме того, три церкви методистов трех разных толков, которые, различаясь в очень тонких и капризных подробностях, отрешаются от общения между собою. Особливая церковь — для первоначальных или Веслеевых методистов, потом для конгрегационистов, потом для так называемых библейских христиан: последние — те же методисты, но отделились несколько лет тому назад только из-за того, что полагают, в несогласии с прочими, невозможным иметь женатых в звании церковных *евангелистов*. Вот сколько церквей — и капитальных, красивых и обширных церквей в одной деревне! Все эти секты и собрания отличаются особенностями вероучений, иногда очень тонкими и капризными, или совсем дикими; но, помимо догматических разностей, во всех выражается одно и то же стремление к вольной всенародной церкви, и многие из них проникнуты ожесточенною ненавистью к «установленной» церкви и к её служителям. Кроме отдельных сект посреди самой «установленной» церкви образовалась издавна многочисленная партия во имя вольного церковного общения. — Частные люди и отдельные общества употребляют свои средства для доставления простому народу возможности участвовать в богослужении: для этого приходится строить отдельные церкви или нанимать отдельные помещения, театры, сараи, залы и т. п. Всё это движение произвело уже ощутительную реакцию в обычаях самой «установленной» церкви, побудив её шире раскрыть свои двери. Но не странно ли, что здесь приходится брать с боем то, что у нас от начала вольно, как воздух, которым мы дышим?

Частые осуждения нашей Церкви и духовенства

Как часто случается у нас, в России, слышать странные речи об нашей Церкви от людей, бывавших за границей, читавших иностранные книги, любящих судить красно с чужого голоса, или просто от людей наивных, которые увлекаются идеальным представлением мимо действительности! Эти люди не находят меры похвалам англиканской или германской церкви и англиканскому духовенству, не находят меры осуждения нашей Церкви и нашему духовенству. Если верить им — там все живая деятельность, а у нас мертвечина, грубость и сон. Там дела, а у нас голая обрядность и бездействие. Не мудрено, что многие говорят так. Между людьми ведется, что по платью встречают человека. Говорят: по уму провожают; но, чтоб узнать ум и почувствовать дух, надо присмотреться и поработать мыслью, а по платью судить нетрудно. Составишь себе готовое впечатление — и так потом при нём и останешься. Притом есть много людей, для которых первое дело, первый и окончательный решитель впечатления — внешнее благоустройство, манера, ловкость, чистота, респектабельность. В этом отношении, конечно, есть на что полюбоваться хотя бы в английской церкви, есть о чем иногда печалиться в нашей. Кому не случалось встречать светское, а иной раз, к сожалению, и духовное лицо, из бывших за границей, с жаром восхваляющее здешнюю простоту церковную и осуждающее нашу родимую «за незрелость». Грустно бывает слушать такие речи, как грустно видеть сына, когда он, прожив в фешенебельном кругу, посреди всех тонкостей столичной жизни, возвращается в деревню, где провел когда-то детство свое, и смотрит с презрением на неприхотливую обстановку и на простые, пожалуй грубые, обычаи родной семьи своей.

Неосновательность этих порицаний

Мы удивительно склонны, по натуре своей, увлекаться прежде всего красивой формой, организацией, внешнею конструкцией всякого дела. Отсюда — наша страсть к подражаниям, к перенесению на свою почву тех учреждений и форм, которые поражают нас за границей внешнею стройностью. Но мы забываем при этом или вспоминаем слишком поздно, что всякая форма, исторически образовавшаяся, выросла в истории из исторических условий, и есть логический вывод из прошедшего, вызванный *необходимостью*. Истории своей никому нельзя ни переменить, ни обойти, и сама история, со всеми её явлениями, деятелями, сложившимися формами общественного быта, есть произведение духа народного, подобно тому, как история отдельного человека есть в сущности произведение живущего в нем духа. То же самое сказать должно о формах церковного устройства. У всякой формы есть своя духовная подкладка, на которой она выросла; часто прельщаемся мы формою, не видя этой подкладки, но если бы мы её видели, то иной раз не задумались бы отвергнуть готовую форму, при всей её стройности, и с радостью остались бы при своей старой и грубой форме, или бесформенности, пока своя у нас духовная жизнь не выведет свою для нас форму. Дух — вот что существенно во всяком учреждении, вот что следует охранять дороже всего от кривизны и смещения⁴.

Характер нашей церковной веры

Наша Церковь искони имела и донныне сохраняет значение всенародной церкви и дух любви и безразличного общения. Верую народ наш держится донныне посреди всех невзгод и бедствий, и если что может поддержать его, укрепить и обновить в дальнейшей истории, так это — вера, и одна только вера церковная. Нам говорят, что народ наш — невежда в вере своей, исполнен суеверий, страдает от дурных и порочных привычек, что наше духовенство грубо, невежественно, бездейственно, принижено, и мало имеет влияния на народ. Всё это во многом справедливо, но всё это — явления *не существенные*, а случайные и временные. Они зависят от многих условий, — и прежде всего от условий экономических и политических, с изменением коих и явления эти рано или поздно изменятся. Что же существенно? Что же принадлежит духу? — Любовь народа к Церкви, свободное сознание полного общения в Церкви, понятие о Церкви, как общем достоянии и общем собрании, полнейшее устранение сословного различия в Церкви и общение народа со служителями Церкви, которые из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, *ни в самих недостатках*, с народом и стоят и падают. Это такое поле, на котором можно возрастить много добрых плодов, если работать вглубь, заботясь не столько об *улучшении быта*, сколько об *улучшении духа*, не столько о том, чтобы число церквей *не превышало потребности*, сколько о том, чтобы *потребность в церкви не оставалась без удовлетворения*. Нам ли зариться с завистью, издалека и по слуху, хоть бы на протестантскую церковь и её пастырей? Избави нас, Боже, дожидаться той поры, когда наши пастыри утвердятся в положении чиновников, поставленных над народом, и станут князьями посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты.

Для уразумения церкви необходимо участие в её молитве

Кто русский человек — душою и обычаем, тот понимает, что значит храм Божий, что значит церковь для русского человека. Мало самому быть благочестивым, чувствовать и уважать потребность религиозного чувства; мало — для того, чтобы уразуметь смысл церкви для русского народа и полюбить эту церковь, как свою, родную. Надо жить народною жизнью, надо молиться заодно с народом, в одном церковном собрании, чувствовать одно с народом биение сердца, проникнутого единым торжеством, единым словом и пением. Оттого многие, знающие церковь только по домашним храмам, где собирается избранная и наряженная публика, не имеют истинного понимания своей церкви и настоящего вкуса церковного, и смотрят иногда равнодушно или превратно в церковном обычае и служении на то, что для народа особенно дорого и что в его понятии составляет красоту церковную.

Православная церковь красна народом. Как войдешь в неё, так почувствуешь, что в ней всё едино, всё народом осмыслено и народом держится.

Католический обряд непонятен и чужд русской православной душе

Войдите в католический храм, как в нем всё кажется пусто, холодно, искусственно православному собранию! Священник служит и читает сам по себе, как бы поверх народа и отлученный от народа. Он сам по себе молится по своей книжке; народ молится по своим, приходит и уходит, совершив свои моления и дождавшись того или другого церковного действия. На алтаре совершается священнодействие; народ присутствует лишь при нем, но как будто не содействует ему общей молитвою. Обряд не говорит нашему чувству, и мы чувствуем, что красота, какая может быть в нем, не наша красота, а чужая. Все движения обряда, механически расположенные, кажутся нам странными, холодными, невыразительными; очертания, образы одежды — неблагообразными; звуки церковного речитатива — нестройными и бездушными; пение на чужом языке, в котором не распознаешь слов — не гимном народного собрания, не воплем, льющим из души, — но концертом, искусственно устроенным, который покрывает собою богослужение, но не сливается с ним. Душа наша тоскует, здесь по своей церкви, как тоскует между чужими по родине.

Русское церковное пение

То ли дело у нас: вот красота неописанная, красота, понятная русскому человеку, красота, за которую он душу готов положить, — так он её любит. Русское церковное пение, — как народная песнь, льется широкою вольною струею из народной груди, и чем оно вольнее, тем полнее говорит, сердцу. Напевы у нас одинаковые с греками, но русский народ иначе поет их, потому что положил в них свою русскую душу. Кто хочет послушать, как эта душа сказывается, тому надобно идти не туда, где орудуют голосами знаменитые хоры и капеллы, где исполняется музыка новых композиторов и справляется обиход по новым официальным переложениям. Ему надо слушать пение в благоустроенном монастыре или в одной из тех приходских церквей, где сложилось добрым порядком хоровое пение; там услышит он, каким широким, вольным потоком выливается праздничный ирмос из русской груди, какую торжественною поэмой выпеваются догматик, слагается стихира с канонархом, каким одушевлением радости проникнут канон Пасхи или Рождества Христова.

Его влияние на душу

Тут оглянемся и увидим, как отзывается каждое слово песни в народном собрании, как блестит оно в поднятых взорах, носится над склоненными головами, отражается в припевах, несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человеку знакомы с детства и слова, и напевы, и во всяком душа поет, когда он их слышит. Богослужение стройное, *истовое* — действительно праздник русскому человеку, и вне церкви душа хранит глубокое ощущение, которое отражается в ней, даже при воспоминании о том или другом моменте: русская душа, привыкшая к церкви и во всякую минуту готовая воспрянуть, когда внутри её послышится песнь Пасхального или Рождественского канона, с мыслью о светлой заутрене, или любимый напев праздничного ирмоса, или «Всемирная слава» с её потрясающим «Дерзайте»... Подлинно, это те звуки, о которых сказал поэт, что им

...без волнения
Внимать невозможно...
Не встретить ответа
Сред шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово,
Но в храме, средь боя,
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду...

А у того, кто с детства привык к этим словам и звукам, сколько от них поднимается всякий раз воспоминаний и образов из той великой поэмы прошлого, которую каждый прожил и каждый носит в себе... Счастлив, кто привык с детства к этим словам, звукам и образам, кто в них нашел красоту и стремится к ней и жить без неё не может, кому всё в них понятно, всё родное, всё возвышает душу из пыли и грязи житейской, кто в них находит и собирает растерянную по углам жизнь свою, разбросанное по дорогам свое счастье. Счастлив, кого с детства добрые и благочестивые родители приучили к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародною молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на целую жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав и для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом.

Что ослабляет действенность православного богослужения?

Что же сказать о множестве затерянных в глубине лесов и в широте полей наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, ничего не понимая, под козлогласованием дьячка или бормотанием клирика?

Увы! не церковь повинна в этой тупости, и не бедный народ повинен: — повинен ленивый и не смыслящий служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распределяющая служителей церкви; повинна, по местам, скудость и беспомощность народная. Благо тому человеку, в ком зажжется в ту пору искра любви и ревность о жизни духовной и кто успеет, вывести заброшенную церковь в свет благолепия и пения. Подлинно, он осияет светом страну и сень смертную, он воскресит умерших и поверженных, спасет души от смерти и покроет множество грехов...

Любовь русского человека к храмоводанию

Оттого-то русский человек так охотно и так много жертвует на церковное строение, на созидание и украшение храмов. Как криво судят те, кто осуждает его за это рвение, а таких голосов слышится уж немало. Это щедрое рвение приписывают то грубости и невежеству, то ханжеству и лицемерию. Говорят: не лучше ли было бы употребить эти деньги на «образование народное», на школы, на благотворительные учреждения? И на то, и на другое жертвуется своим чередом, но та жертва совсем иная, и благочестивый русский человек, со здравым русским смыслом, не один раз призадумается прежде, чем развяжет кошель свой на щедрую дачу для формально образовательных и благотворительных учреждений.

Церковь — учреждение всенародное

То ли дело церковь Божия! Она сама за себя говорит; — она живое, всенародное учреждение. В ней одной и живому и умершему отрадно. В ней одной всем легко, свободно, в ней душа всяческая, от мала до велика, веселится и радуется, и празднует от тяжкой страды; в ней и белому и серому человеку, и богатому и бедному одно место. Разукрашена она паче царской палаты — дом Божий, а всякий из малых и бедных стоит в ней, как в своем доме; каждый может назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши строена и народом держится. Всем в ней приют и молитва с утешением, и то учение, которое дороже всего русскому человеку. Вот что бессознательно и сознательно сразу сказывается в русской душе о церкви и заставляет русского человека жертвовать на церковь без оглядки и без рассуждения. Русский человек чувствует, что в этом деле не ошибается и дает верно и свято на верное и святое дело.

Превосходство православного обряда над протестантским

Протестанты ставят нам в упрек формальность и обрядность нашего богослужения; но когда согласишься на их обряд, то невольно отдаешь предпочтение нашему обряду; чувствуешь, как наш обряд прост и величествен в своем глубоком, таинственном значении. Священнослужитель поставлен в нашем обряде так просто, что от него требуется только благоговейное внимание к произносимым словам и совершаемым действиям; в устах его и через него священные слова и обряды сами за себя говорят — и как глубоко и таинственно говорят душе каждого и соединяют всё собрание в одну мысль и в одно чувство! Оттого самый простой и неискусный человек может, не подстраивая себя, не употребляя искусственных усилий, совершать молитвенное действие и вступить в молитвенное общение со всей церковью. Протестантский молитвенный обряд, при всей наружной простоте своей, требует от священнослужителя молитвенного действия в известном тоне. Оттого в этом обряде только глубоко духовные или очень талантливые люди могут быть просты; остальные же, т. е. огромное большинство, принуждены подстраивать себя и прибегать к аффектации, которая именно в протестантских храмах чаще всего встречается и производит на непривычного человека тягостное впечатление.

Искусственность протестантской проповеди

Когда видишь проповедника, как он стоя посреди храма, лицом к размещенному чинно на скамьях собранию, произносит молитвы, воздевая глаза к небу, сложив руки в известный всеми употребляемый вид, и придает своей речи неестественную интонацию, становится неловко за него; думается, как должно быть ему неловко! Еще ощутительнее становится неловкость, когда, окончив обряд, он всходит на кафедру, и начинает свою длинную проповедь, оборачиваясь от времени до времени назад, чтобы выпить из стакана воды и собраться с духом. И в этой проповеди редко случается слышать действительно живое слово, — когда проповедник действительно духовный человек или талант. Говорят большею частью работники церковного дела, чрезвычайно натянутым голосом, с крайней аффектацией, с сильными жестами, поворачиваясь из стороны в сторону, повторяя на разные лады общие, всеми употребляемые фразы. Даже, когда читают по книге, что нередко случается, они прибегают к известным телодвижениям, интонациям и расстановкам. Нередко случается, что проповедник, произнося некоторые слова и фразы, кричит и ударяет кулаком по кафедре, чтобы придать выразительность своей речи... Здесь чувствуешь, как верно применилась наша Церковь к природе человеческой, не поместив проповеди в состав богослужебного обряда. Весь наш обряд, сам по себе, составляет лучшую проповедь, тем более действительную, что всякий принимает её не как человеческое, а как Божие слово. И церковный идеал нашей проповеди, как живого слова, есть *учение* веры и любви, от Божественных Писаний, а не возбуждение чувства, как необходимое действие каждого священнослужителя на собравшихся в церковь для молитвы.

Обряд — выражение религиозной души народа

Говорят, что обряд — неважное и второстепенное дело. Но есть обряды и обычаи, от которых отказаться — значило бы отречься от самого себя, потому что в них отражается жизнь духовная человека или всего народа, в них сказывается целая душа. В разности обряда выражается всего явственнее коренная и глубокая разность духовного представления, таящаяся в бессознательных сферах духовной жизни, — та самая разность, которая препятствует слиянию или полноте взаимного сочувствия между разноплеменными народами и составляет основную причину разности церквей и вероисповеданий. Отрицать, с отвлеченной, космо-политической точки зрения, действие этой притягательной или отталкивающей силы, приравнивая её к предрассудку, — значило бы то же, что отрицать силу сродства, действующую в личных между людьми отношениях.

Отношение к умершим у западных христиан и у (православных) русских

Как знаменательна, например, у разных народов разница в погребальном обряде и в обращении с телом покойника! Южный человек, итальянец, бежит от своего мертвеца, спешит как можно скорее очистить от него дом свой и предоставляет постороннему заботу о его погребении. Напротив того, у нас, в России, характерная народная черта — религиозное отношение к мертвому телу, исполненное любви, нежности и благоговения. Из глубины веков отзывается до нашего времени, исполненный поэтических образов и движений, плач над покойником, превращаясь, с принятием новых религиозных обрядов, в торжественную церковную молитву. Нигде в мире, кроме нашей страны, погребальный обычай и обряд не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, до которой он достигает у нас; и нет сомнения, что в этом его складе отразился наш народный характер, с особенным, присущим нашей натуре, мировоззрением. Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одеваем их благолепным покровом, мы окружаем их торжественною тишиною молитвенного созерцания, мы поем над ними песнь, в которой ужас пораженной природы сливается воедино с любовью, надеждою и благоговейною верою. Мы не бежим от своего покойника, мы украшаем его в гробе, и нас тянет к этому гробу — взглянуться в черты духа, оставившего свое жилище; мы поклоняемся телу и не отказываемся давать ему последнее целование, и стоим над ним три дня и три ночи с чтением, с пением, с церковной молитвой. Погребальные молитвы наши исполнены красоты и величия; они продолжительны и не спешат отдать земле тело, тронутое тлением, — и, когда слышишь их, кажется, не только произносится над гробом последнее благословение, но совершается вокруг него великое церковное торжество в самую торжественную минуту бытия человеческого! Как понятна и как любезна эта торжественность для русской души! Но иностранец редко понимает её, потому что она — совсем ему чужая. У нас чувство любви, пораженное смертью, расширяется в погребальном обряде; у него — оно болезненно сжимается от того же обряда и поражается одним ужасом.

Отвращение к усопшим у лютеран

Немец-лютеранин, живший в Берлине, потерял в России горячо любимую сестру, православную. Когда он приехал к нам, накануне погребения, и увидел любимую сестру, лежащую во гробе, ужас поразил его, сердце его сжалось, и видно было, что чувство любви и благоговения уступило в нем место отвращению, с которым он присутствовал при прощании с мертвым телом и должен был сам принять в нем участие... В этом, как и во многом другом, немец не может понять нас, покуда не поживет с нами и не войдет в глубину духовной нашей жизни.

Отрицание ими св. мощей

От этой же кажется, причины ничто столько не возмущает лютеранина в нашей Церкви, как поклонение св. мощам, которое для нас самих, по природе нашей, кажется так просто и естественно, — когда мы и своим покойникам кланяемся, и их тело обнимаем и чествуем в погребении. Он, не живя нашей жизнью, не видит в этом чествовании ничего, кроме дикого суеверия, а для нас — это движение и дело любви, самое природное и простое.

Агитация на Западе в пользу сожжения почивших

Трудно ему понять нас, так же, как нам дико и противно слышать о возникшей недавно в германском и в английском обществе агитации, требующей введения нового погребального обряда. Они хотят, чтобы мертвые не предавались земле, а сжигались в особо устроенных печах, — и требуют этого с утилитарной и гигиенической точки зрения. Пропаганда эта усиливается, собираются митинги, составляются общества, устраиваются за счет частных лиц усовершенствованные печи, производятся химические опыты, сочиняются траурные марши, которыми должно сопровождаться сожигание... Голоса растут, крики усиливаются, во имя науки, во имя просвещения, во имя блага общественного. Из какого дальнего мира, из какого быта доносятся до нас эти звуки — и какой этот мир чужой для нас, какой неприятный и холодный! Нет, не дай Бог умереть в том краю, на чужбине, вдали от матери сырой земли русской!

Примечания

Заимствовано с некоторыми сокращениями, не изменяющими смысла, из рассуждения о «Личности, обществе и Церкви». Оглавления принадлежат редакции.

Владимир Соловьев в этом отношении прекрасно формулирует дух христианства, говоря: «Пока человек остается и утверждается в своей ограниченности и отдельности — в нем *нет* Бога. А чтобы выйти из этой ограниченности, он должен обратиться к тому, что больше и выше, чем он сам. Это большее и высшее, чем он сам, человек находит в Церкви» («Духовные основы жизни», о Церкви). «В сочетании человеческой личности с Церковью — человек исцеляется, получает истинно здоровую жизнь, а церковь оплодотворяется, становится *действующей*» (там же). Но как ни сильна христианская *обобщественность*, совершенно ошибочно думать, чтобы социальная среда могла быть слита с Церковью.

Заимствовано с небольшими сокращениями из «Московского Сборника». Москва, 1896 г., стр. 199—227. Статья «Церковь». — Оглавления принадлежат Редакции

Этот мудрый совет должен быть принят за правило при обсуждении вопроса об отношении православия к инославию и тем более — при жизненном соприкосновении первого со вторым.
— Редакция